

СУДЬБА
ВЕРА

В. С. Николаева. - 2000. - 7 сент. - с. 6.

МАТУШКА

Анна САЕД-ШАХ

— Олеся, я помню совсем недавние времена, когда отец Владимир не служил в храме Татьяны великомученицы на Большой Никитской, а был преуспевающим литературным критиком Владимиром Вигилянским, работал в коротичевском «Огоньке» и ушел, хлопнув редакционной дверью. А ты, будучи его женой и молодой многодетной матерью, писала необычные по форме стихи, выступала на вечерах, входила в крутую обойму самых модных поэтов начала перестройки. Ваш дом никогда не спал, он поил кофе и вином всех спорящих, мыслящих, страждущих. Приходили поэты, студенты, журналисты, монахи. Когда произошел перелом?

— Думаю, чудеса начались, когда мы покрестились.

— Я, кстати, покрестилась в довольно зрелом возрасте, но со мной не произошло никакого чуда.

— Крещение вовсе не означает автоматического прихода в церковь. У нас был трудный этап. Мы, покрестившись, какое-то время оставались людьми не церковными. Мне, например, казалось, что у меня такие серьезные интеллектуальные проблемы, что я должна с ними справиться сама. А церковь — это для бабушек, для необразованных. Я даже детей своих уже водила в церковь, причащала, а сама не решалась, считая, что у меня совсем другие задачи, исключительно творческие. Я увлекалась рели-

гиозной философией, которая, мягко говоря, не очень церковная. Это Соловьев, Бердяев. Ты правильно вспомнила, что к нам часто приходили монахи. Мы постоянно вели с ними тяжелые интеллектуальные поединки. К нашему стыду и удивлению, мы всегда проигрывали. Надо признаться, что Господь потратил много усилий других людей, чтобы привести нас в церковь.

— А твоя творческая жизнь тоже поделилась на две жизни?

— Мне давно уже было тесно в традиционных стихотворных размерах. Приходилось что-то придумывать. А литургическая поэзия открывает совершенно новые, совсем не рациональные возможности иной поэтики. Возникает другое измере-

ние мира, слова. Я стала писать не свойственные мне ритмически «раскачанные», почти свободные стихи.

— У вас были сомнения, а вдруг ваш выбор — это не судьба?

— Нет. Отец моего мужа был журналистом. Он долго сидел, в ссылке преподавал танцы. Мой муж унаследовал от него пластичность, талант журналиста и даже язву желудка. Но главное ему все-таки досталось от его дедов и прадедов — целый священнический династии Вигилянских.

— Каких обязанностей у тебя больше, мирских или церковных? Ты пишешь стихи и книги, ты — доцент Литинститута и ведешь там поэтический семинар. Ведь твои студенты воспринимают тебя не как религиозного философа, а как поэта.

— Скорее, как учителя. Конечно, я считаю, что не вполне соответствую представлению о классической «матушке». И в самом деле, я должна принимать больше участия в церковной жизни прихода, больше помогать прихожанам. Помню, настоятель храма Татьяны великомученицы куда-то поехал читать лекции. А был Великий пост. Прихожане попросили рассказать им о великом покаянном каноне Андрея Крицкого. Я очень люблю этот канон, считаю его соединением истинно поэтического и богословского творчества. И отец Владимир попросил меня перед чтением канона растолковывать прихожанам ветхозаветные образы. И хотя мне приходится читать лекции студентам Литературного института, именно этот опыт великопостных чтений оказался чрезвычайно полезным для меня самой.

— Прихожане — люди истинно верующие?

— У меня были очень хорошие наставники, которые научили делать различие между церковью и людьми. Ведь церковь — это фактически собрание грешников, которые призваны стать праведниками. Вот говорят: каков поп, таков и приход. Но ведь можно сказать и наоборот. Нужно не забывать, что священники приходят в Церковь из мира. Но сейчас в России, после столетий гонений на церковь, происходят чудеса духовного возрождения. Только что канонизировали почти тысячу мучеников, пострадавших от большевиков. И это только начало. Подробно разбиралось каждое дело. Смотрели, как они умерли, не предали ли кого, не потащили ли за собой в ЧК. К сожалению, любимого мною Павла Флоренского не канонизировали. В его следственном деле есть признание, что он участвовал в заговоре и назвал некоторые фамилии. Думаю, комиссия, как и я, не верит в подлинность документа и доб-

Бог потратил немало усилий,
чтобы привести поэта
Олесю Николаеву в церковь

ровольность признания. Но одно существование этого документа дает основание для сомнений.

— Русское искусство и церковь имеют общую семидесятилетнюю историю гонения. Как и в искусство, в церковь люди приходят разными путями, но с одной и той же надеждой. Надеждой на спасение.

— Церковь, как и искусство, — не автомат добра, а область свободы, этой страшной человеческой свободы. Когда ничтожный (в смысле своих возможностей перед вечностью) человек может сказать Богу — нет, Бог не совершает над ним насилия. Единственное, что может церковь, это отторгнуть

**Церковь —
это собрание
грешников,
которые
призваны стать
праведниками**

от себя человека, который не желает к ней принадлежать. Точно так же и искусство.

— Олеся, у тебя недавно вышла книга «Православие и творчество», вызвавшая много споров в довольно серьезных журналах. Ты подключилась к полемике?

— Да, я решила дополнить книгу большой главой, называется «Православие и свобода». Вопрос свободы остается для человека роковым. У Достоевского Великий инквизитор говорит, что для человека нет дара более драгоценного, чем свобода, но нет и дара более непереносимого. Человек плохо понимает, что такое свобода и зачем она.

— У тебя есть рецепт?

— Нет, я только пытаюсь разобраться, что означает свобода в контексте православного учения. Что нужно освобождать в человеке, чтоб он был свободным? Мы знаем страшные парадоксы, например, когда во имя свободы люди устанавливали беспрецедентное в истории человечества большевистское рабство. И анархическая свобода тоже неизбежно влечет за собой деспотию.

— В либеральном обществе под свободой подразумевается свобода выбора. А в православии она возможна?

— В православии известно, что люди, достигшие даже невероятных духовных высот, могут в самый последний момент отпасть от Бога. Они сами боятся собственного своеволия, и вся их внутренняя молитвенная работа состоит в преображении его. Апостол Павел недоумевал: ну как так происходит? Доброе, которого

хочу, не делаю. А злое, которого не хочу, творю. Он открыл какой-то противоборствующий закон внутри человека, действующий как произвол. Если этот произвол подавить, будет ли это значить, что человек не свободен в добре? Нет, потому что свобода выбора у него сохраняется. И в этом есть нечто трагическое. Мы, в принципе, можем предоставить свободу выбора наркоману. Но это противоречит нашей любви. Мы можем предоставить свободу выбора самоубийце — пожалуйста, иди, прыгай из окна. Но это противоречит нашей любви. Это ведь очень мучительная вещь — встать на пути человека и преградить его гибельный путь. Есть такая вечерняя молитва Матери Божьей, если передать ее современным языком, смысл таков: Мать Божья, не позволяй воле моей совершаться, ибо она мне не угодна...

— А чудеса тебе случалось видеть?

— Чудес я видела много. Однажды я попала к старцу, отцу Серафиму Тяпочкину. У его порога росла засохшая груша. Она уже давно не плодоносила, но он не позволял ее срубить, утверждая, что дерево обязательно даст плоды. Когда он умер, груша начала плодоносить. И я это видела. Чудо — это ведь ожидание вторжения чужого мира в нашу действительность. Я помню, умирала моя мать. Она уже не могла ходить, у нее была практически разрушена печень. Мама была некрещеная. И мы ее повезли в церковь уже почти бездыханную. И ты знаешь, ее болезнь абсолютно прошла.

— А можно назвать чудом то, как начали мироточить даже не иконы, а фотографии Николая II накануне его канонизации?

— Человеку истинно верующему такие свидетельства не нужны. Но они появляются именно в тот момент, когда слабеет вера или возникают какие-то сомнения. Канонизация царской семьи вызвала большие сомнения даже у верующих. В 1997 году владыка Ювеналий был против этой канонизации именно из-за отсутствия ярких свидетельств особой воли Божьей. Вообще, мне кажется, произошла очень важная вещь. Именно недавняя канонизация (не только царской семьи, но и еще почти 1000 мучеников, среди них, кстати, 154 женщины) — окончательный приговор большевизму. Большевики думали, что гнали контрреволюционеров, а на самом деле они гнали святых. После этого, думаю, ни один властитель, исповедующий коммунистическую идеологию, уже не посмеет, подтачивая факты, «примазаться» к православной церкви. Без покаяния.